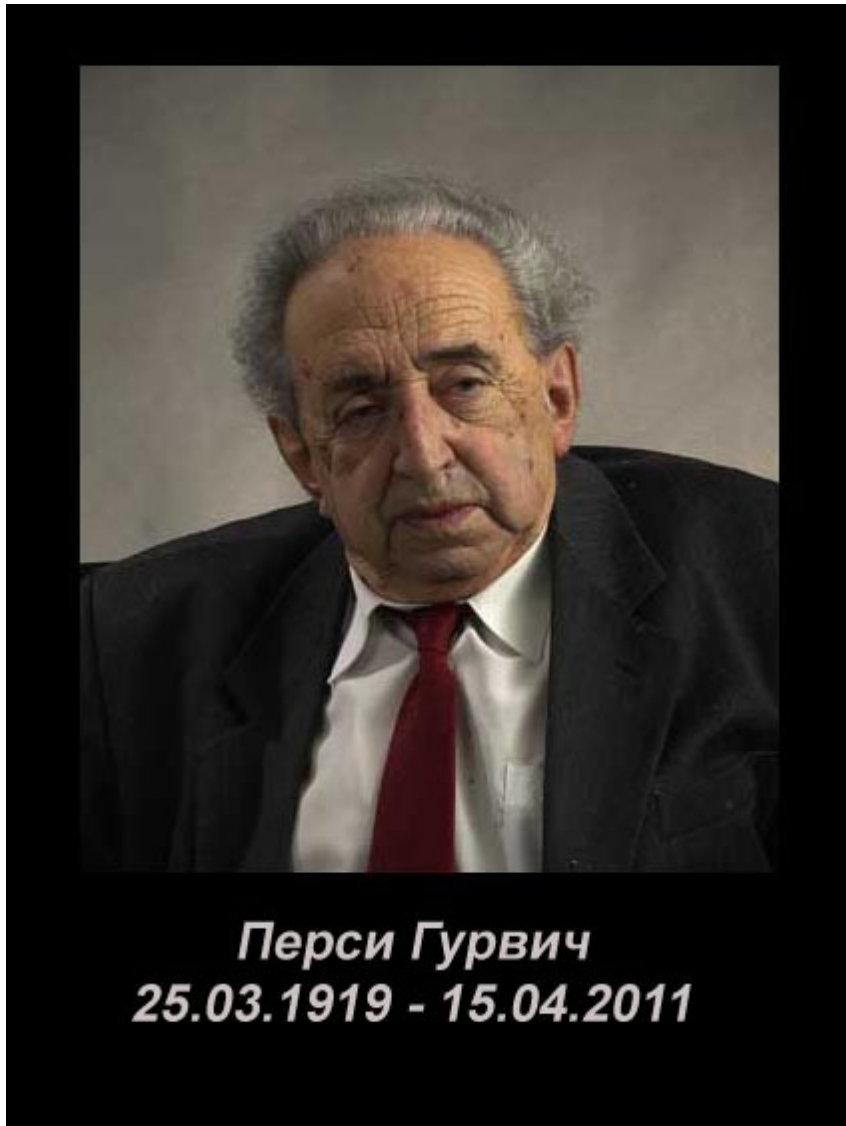


Сегодня 25 марта, исполнилось бы 95 лет Перси Борисовичу Гурвичу, моему единомышленнику, соавтору, другу.



Кое-что, совсем чуть-чуть [я уже писал о Перси Борисовиче](#) . Многое еще предстоит написать, вспомнить. Но это не только воспоминания. Это еще и те уроки, тот

уникальный опыт, которым обладал Перси Борисович и который, к сожалению, становится все более и более актуальным в наши дни.

Вот, например, урок, связанный с опытом взаимодействия с жестким политическим режимом. Когда сопротивляться уже нет ни сил, ни возможности. И это не нынешний во многом вегетарианский авторитаризм, это совсем другое. Хотя ярлыки "иностранного агента" - все те же. Оттуда.

Вот об этом рассказ Перси Борисовича Гурвича. Напечатан он был в книге "Человек человеку - человек..." Сборник воспоминаний и статей памяти Перси Борисовича Гурвича. Владимир. 2011.

*Середина двадцатого века.  
Два нещадно мордуемых зэка,  
Чтоб избежать мучительских рук,  
Помогают клепать себе дело.  
Ждать им нечего, кроме расстрела,  
Двум «английским шпионам». И вдруг...*

Перси ГУРВИЧ

### **Новости с воли**

*Когда Гога Каджардузов вошёл в мою камеру, то, не успев сесть на свою койку, сразу сообщил, что является сыном врача-убийцы, но теперь он ещё и английский шпион, причем, всознанке, так что, видно, придется уйти налево. Поскольку я к этому моменту тоже был уже английским шпионом и тоже в сознанке (деваться было некуда, выбор был явно выигрышный) - расстрел без побоев против расстрела со зверскими побоями), то мы сдружились быстро.*

*На третьем этаже Бутырок все двери вели в отдельные кабинеты следователей. Кроме того, на каждом повороте стояли узенькие, окрашенные в коричневый цвет, деревянные шкафы высотой в два с половиной метра. Это были так называемые боксы — площадью в один квадратный метр, с узким сиденьем, которое могло быть поднято или опущено ручкой снаружи. Эти боксы играли важную роль в обеспечении секретности: если двух*

заклѹчѣнных вели с разных сторон, одного временно прятали в бокс, - каждому могло казаться, что он в Бутырках единственный заклѹчѣнный...

Отпустив конвоира, следователь велел мне сесть в углу кабинета. Это означало, что предстоит крутой допрос. В последнюю неделю, когда я уже признался в сотрудничестве с их Величествами Георгом VI и Елизаветой II, а значит, стал теперь «сотрудничающим со следствием», то получил привилегию сидеть за столом, стоящим перпендикулярно к столу следователя. «Как видите,— сказано было мне начальником отдела, — английскую разведку везде уважают, даже у нас!» Деградацию же в угол я, признаться, ожидал потому, что вот уже почти месяц морочил им голову, называя давно умерших людей своими соучастниками.

Мне предстояла третья по счѣту бессонная ночь (допрос до 5.00 утра, подъем в камере в 6.00) с угрозами, а может быть и с мордобоем, хотя было видно, что моему следователю мордобитие было не по вкусу, но что поделаешь: от него требовали живых разведчиков, а он их требовал от меня...

Когда он уже направлялся в мой угол, зазвонил телефон. Едва он приложил к уху трубку, как тотчас принял стойку «смирно» и через паузу выдавил из себя неуверенное «ясно»... Выглядел он неважно. «Случилось что-нибудь?» — спросил я. Следователь вызвал конвоира и приказал: «В бокс его!»

В боксе я первый час простоял, второй просидел, так как чья-то милосердная рука вдруг снаружи повернула ручку и опустила сидение. Из коридора время от времени доносился топот. Казалось, там продвигается рота солдат, хлопали двери, звучали приглушѣнные выкрики. Весь этот гам продолжался не менее получаса и оставил впечатление, что не только мой следователь, но и все остальные почти одновременно «отделяются» от своих «подшефных», перемещая их в боксы. Потом весь этот шум улегся...

Когда конвоир ввел меня обратно в кабинет следователя, тот положил передо мной уже заполненный им протокол допроса и, как только я, не глядя, его подписал, сказал: «На сегодня хватит. Вы, наверное, тоже устали...»

Гога был удивлен моим ранним возвращением, когда же я рассказал про телефонный звонок и всё последующее, им овладело беспокойство, особенно заинтересовала его топотня в коридоре. «Значит, не одному твоему шмендрику сообщили какую-то новость, а всем!» — уверенно сказал он. И, забыв, где находится и что на дворе ночь, стал вышагивать по камере до тех пор, пока коридорный через форточку не велел ему немедленно ложиться. Он лёг, но спать нам обоим не хотелось.

*Через некоторое время Георгий Георгиевич воскликнул: «Ясно! Другого варианта нет! Сдох! Сдох старый б..! Точно! Об этом следователям и сообщили».*

*На следующее утро Гога развил исследовательскую деятельность. Среди бела дня стал ложиться на койку и ждать реакции коридорного. Никакой! Бляха над глазком несколько раз отодвигалась, но окрика не было. В следующий тест Гога втянул и меня: мы оба ложились и притворялись спящими. Нас не поднимали. Тогда мы перешли к тесту на спички. В советских политтюрьмах коридорным надзирателям свято запрещалось делиться спичками с заключенными. Гога постучал и через открывшуюся тотчас форточку жалобно попросил: «Пару спичек, гражданин начальник, очень курить хочется». Форточка тут же захлопнулась и вскоре открылась снова. Гоге было выдано несколько спичек вместе с отломанным кусочком спичечного коробка для чирканья.*

*«Ну что, — сказал Гога после этого. — Теперь, надеюсь, ты не сомневаешься больше? Сдох, старый падло!»*

*Я не смел верить, но на четвёртый день после этого мы, через узкую щель в забитых досками камерных окнах, увидели три истребителя, за ними ещё, и так далее. Донёсся пронзительный вой сирены.*

*«Ну, теперь веришь?» — спросил Гога. Был март пятьдесят третьего.*

*\* \* \**

*Март закончился, прошла половина апреля. Бутырская дисциплина на глазах разваливалась, можно было даже спать, не оставляя руки поверх одеяла. Нас с Гогой долго не трогали, но десятого апреля меня всё же вызвали. Уже знакомый следователь стал допрашивать меня о каких-то мелочах, а в конце сказал: «Продумайте свои прежние показания, и, если есть уточнения, то попросите в камеру бумагу и там их напишите». Его намёк был ясен: он советовал мне отказаться от теперь уже никому не нужного моего признания в содружестве с королевой Великобритании...*

\* \* \*

*Когда нас освобождали, Гога произнёс перед тюремным начальством следующую речь:*

*«Я ухожу отсюда глубоко опечаленный и полный тревоги за судьбу нашей родины. Вот почему.*

*Ни я, ни мой товарищ ничего об английской разведке не знали даже из фантастики. А вы объявили нас ихними шпионами и требовали рассказать о методах работы. Мы не хотели умереть мучениками, не проронившими ни слова. Мы фантазировали на свой страх и риск. А вы нашу белиберду принимали за чистую монету. Это означает, что о подлинных английских разведчиках вы ничего не знаете, они спокойно живут рядом с вами и своё дело делают, а когда мимо Лубянки проходят, то шапки снимают... Вот почему я ухожу отсюда с огромной тревогой...»*

*Таким художественным монологом Георгий Георгиевич Каджардузов ознаменовал свое освобождение. Но шутить он умел и тогда, когда оно нам ещё не светило.*

*Например, однажды во время обхода он попросил вызвать заместителя начальника тюрьмы. А когда тот явился, обратился к нему с официальной жалобой.*

*«Гражданин начальник, — сказал он, — когда нас выводят на прогулку, надзиратели оправляются в наши параши...»*

*Уже на свободе Гога показал мне присланный ему документ.*

*Привожу его дословно.*

*«Уважаемый Георгий Георгиевич!*

*В ответ на Вашу жалобу, устно высказанную в феврале 1953 года, администрация сообщает, что о предназначенности санитарных бочонков в камерах исключительно для нужд заключенных персонал предупреждён.*

*Зам. начальника в/ч, подполковник внутренней службы — Подпись (неразборчиво)».*

*Вот так.*

С Юбилеем, Перси Борисович! Мы вас помним.